

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

СОЛОВЬЕВСКИЙ СБОРНИК

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«В.С. СОЛОВЬЕВ И ЕГО ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ»**

28-30 АВГУСТА 2000 Г.

**Под редакцией
И. В. Борисовой,
А. П. Козырева**

«ФЕНОМЕНОЛОГИЯ–ГЕРМЕНЕВТИКА»

**Москва
2001**

ББК 87.3

С 60

Серия: История идей XIX-XX вв. в современных исследованиях

Редакционная коллегия серии: И. А. Михайлов (отв. ред.),

Е. В. Борисов, В. С. Малахов

Раздел: РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Т. 1: Соловьевский сборник. Материалы международной конференции «В.С. Соловьев и его философское наследие». Москва. 28-30 августа 2000 г. — М., 2001.

Организация конференции и издание ее материалов
стали возможными благодаря финансовой поддержке

РОССИЙСКОГО ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ФОНДА

(проект № 00-03-14031 г)

и

ИНСТИТУТА ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО (Фонд СОРОСА). РОССИЯ,

(проект № НАН 946)

Издатель благодарит Н. В. Котрелева за любезно предоставленные им фотографию В. С. Соловьева и скульптурный портрет философа, помещенные на обложке книги.

Соловьевский сборник. Материалы международной кон-
С 60 **ференции «В.С. Соловьев и его философское наследие».**
Москва. 28-30 августа 2000 г. — М.: Издательство «Феноменология—Герменевтика», 2001. — VI + 516 с.
ISBN 5-94478-001-0

ББК 87.3

© И. В. Борисова, А. П. Козырев, составление, 2001

© Коллектив авторов, 2001

© «Феноменология—Герменевтика», оригинал-макет,
оформление, 2001

ISBN 5-94478-001-0

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	V
<i>Хоружий С. С.</i> Наследие Владимира Соловьева сто лет спустя	1
<i>Соловьев Э. Ю.</i> Гуманитарно-правовая проблематика в философской публицистике В. С. Соловьева.....	29
 РАЗДЕЛ I	
ТВОРЧЕСТВО В. С. СОЛОВЬЕВА И РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА	
<i>Артемьева Т. В.</i> Тайные пути философского духа: От Ивана Елагина к Владимиру Соловьеву	52
<i>Kornblatt J. D.</i> The Truth of the word: Solovyov's «Three Conversations» speaks on Tolstoy's «Resurrection»	66
<i>Гачева А. Г.</i> В. С. Соловьев и Н. Ф. Федоров	87
<i>Иванова Е. В.</i> Владимир Соловьев в раннем творчестве Павла Флоренского	114
<i>Ханей Ф.</i> Путь к трансцендентности:	120
<i>Грабар М. Н.</i> Владимир Соловьев и Вячеслав Иванов	128
<i>Пургин С. П.</i> Символизм Вячеслава Иванова и Владимир Соловьев	133
<i>Денн М.</i> Наследие В. Соловьева и русской религиозной мысли в работах Г. Шпета	135
<i>Кантор В. К.</i> «Антихрист» Владимира Соловьева и «Христос» Александра Блока	145
<i>Соболев А. В.</i> Владимир Соловьев и о. Георгий Флоровский	157
<i>Калитин П. В.</i> В. С. Соловьев как невольник своей свободы относительно православия	166
<i>Troncale J.</i> Universal Sacrifice and the Ontological Principle of Femininity in Soloviev's «The Meaning of Love» and in Daniil Andreev's «The Rose of the World»	172
 РАЗДЕЛ II	
В. С. СОЛОВЬЕВ И ЗАРУБЕЖНАЯ МЫСЛЬ	
<i>Козырев А. П.</i> Космогонический миф Владимира Соловьева	183
<i>Helleman W. E.</i> Solovyov's Plato	197
<i>Romero</i> Schelling's reflection on evil	
<i>M. Garcia.</i> in the «Lectures on Godmanhood»	220

<i>Maliavin V. V.</i>	V. S. Solovyov and the Russian-German Philosophical Dialogue	242
<i>Мотрошилова Н. В.</i>	Владимир Соловьев и поиски новых парадигм в западной философии последней четверти XIX-го века	256
<i>Barretto K. Duarte</i>	Resonances between Solovyov's concept of <i>Godmanhood</i> and Tagore's <i>Religion of Man</i>	269

РАЗДЕЛ III

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В. С. СОЛОВЬЕВА

<i>Делл'Аста А.</i>	Реализм В. С. Соловьева	272
<i>Элен Петер.</i>	Идея Богочеловечества в философии Владимира Соловьева	295
<i>Лазарев В. В.</i>	Об одной тенденции универсализма в философии В. С. Соловьева	318
<i>Лазарева А. Н.</i>	О действительности, достойной существования	326
<i>Павленко А. Н.</i>	Константинополь и Рим в метафизике В. С. Соловьева	334
<i>Safrá G.</i>	The Aesthetics in the constitution of Self	340

РАЗДЕЛ IV

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В. С. СОЛОВЬЕВА. В. С. СОЛОВЬЕВ КАК РЕЛИГИОЗНЫЙ МЫСЛИТЕЛЬ

<i>Игумен Вениамин</i>	Владимир Соловьев и современность	351
<i>Clinton C. Gardner</i>	Vladimir Solovyov: From Abstract Idealism to a Pragmatic Social Philosophy	371
<i>Kochetkova T.</i>	Solovyov's insight on the nature of modernity	379
<i>Рашковский Е. Б.</i>	Владимир Соловьев и гражданское общество	398
<i>Межуев Б. В.</i>	Вл. С. Соловьев и петербургское общество 1890-х годов	409
<i>Helleman A.</i>	The Influence of Vladimir Solovyov on the Modern Ecumenical Movement	419
<i>Клименко М.</i>	Владимир Соловьев о месте России в мире	426
<i>Пигалев А. И.</i>	Проблема структуры межчеловеческих отношений в философии В. С. Соловьева	434
<i>Гальцева Р. А.</i>	Конкретная эсхатология Владимира Соловьева	442
<i>Роднянская И. Б.</i>	Конец истории и «окончательный взгляд на церковный вопрос»	451
<i>Белкин Д.</i>	«Еврейский вопрос» как «христианский вопрос»	467
<i>Courten M. de</i>	Two narratives on history in Vladimir Solov'ev: the Polish question	475
<i>Киейзик Л.</i>	Владимир Соловьев и польский вопрос	487
<i>Кравченко В. В.</i>	О виртуальном мире В. С. Соловьева	503

ПРЕДИСЛОВИЕ

Летом 2000 года через сто лет после смерти Владимира Сергеевича Соловьева (1853—1900) общими усилиями сотрудников Института философии Российской академии наук и Международного общества В. С. Соловьева (во главе с Клинтоном К. Гарднером, США, Вермонт) в Москве была проведена конференция, посвященная памяти философа. Участники конференции, исследователи из Бразилии, Германии, Израйля, Италии, Мексики, Нидерландов, Польши, России, США, Франции и Украины, в течение трех дней 28, 29 и 30 августа могли обсудить исторические и теоретические проблемы, поставленные философией, собственной позицией и наследием В. С. Соловьева.

На пленарных заседаниях 28 и 30 августа выступили С. С. Хоружий (с докладом «Наследие В. С. Соловьева сто лет спустя»), Э. Ю. Соловьев («Гуманитарно-правовая проблематика в философской публицистике В. С. Соловьева»), А. Л. Доброхотов («Своеобразие философии права В. С. Соловьева») и Н. В. Котрелев («Текстология В. С. Соловьева»). В заседаниях четырех секций (отделы этой книги повторяют их темы) выступили А. И. Абрамов, Х. Бар-Йозеф, Т. Благова, К. Бурмистров, Г. Ф. Гараева, Е. А. Гнатенко, М. Н. Громов, А. Н. Красильщиков, М. В. Максимов, Ю. Мелих, Е. Митина, В. И. Моисеев, А. А. Носов, В. Л. Райков, В. В. Сербиненко, о. Р. Слесинский, Е. П. Сугатова, Е. Тонкова и авторы этой книги. В качестве участников конференции были зарегистрированы также В. ван ден Беркен, М. Л. Клименко, Р. Макмастер, К. Эмерсон, И. И. Виноградов. Материалы, публикуемые в книге, представляют собой тексты сообщений или статьи, написанные на их основе, и поэтому позволяют составить представление о научной стороне конференции. Редакторы сборника отказались от помещения тезисов и сокращения текстов.

Вспоминая о событиях на жизненном пути В. С. Соловьева, участники конференции совершили поездку по соловьевским местам Москвы, о которых рассказали А. П. Козырев, А. А. Носов и М. Н. Громов, побывали в Московской Духовной академии в Троице-Сергиевой Лавре. Завершилась конференция ужином в Узком, бывшем имении князей Трубецких, где В. С. Соловьев скончался 31 июля 1900 г.

Редакторы

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ И ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

М. Н. Грабар

«Он был и покровителем моей музыки, и исповедником моего сердца» (В. Иванов. Автобиографическое письмо¹)

«Оправдать веру наших отцов, возведя ее на новую ступень разумного сознания» (В. Соловьев. История и будущность теократии²)

Во время торжественного заседания Московского Религиозно-философского общества 10 февраля 1911 г., посвященного памяти В. С. Соловьева, Вячеслав Иванов в своем сообщении, озаглавленном «О значении Владимира Соловьева в судьбах нового религиозного сознания», определяет роль мысли и мистического опыта Соловьева в становлении «нового религиозного сознания» начала XX века в России. Перед тем как следовать логике аргументации Вячеслава Иванова, отметим этапы в биографиях двух мыслителей, когда пути их пересекались.

В «Автобиографическом письме» Иванов пишет: «Как только я очутился за рубежом, забродили во мне искания мистические, и пробудилась потребность сознать Россию в ее идее. Я принялся изучать Вл. Соловьева и Хомякова», и чуть далее «Между тем моя первая жена, без моего ведома, принесла Вл. Соловьеву на суд мои стихи. Он нашел в них “главное”, как он говорил, — “безусловную самобытность”, а о моем “нищешанстве” предрек, что на нем я не остановлюсь. Я был обрадован телеграммой о его сочувствии и желании, с моего разрешения, отдать мои стихи в журналы. С тех пор, в течение нескольких лет, я имел с ним важные для меня свидания, всякий раз как приезжал в Россию. Он был и покровителем моей музыки, и исповедником моего сердца. В последний раз я виделся с ним месяца за два до его кончины и принял его благословение дать своей первой книге заглавие *Кормчие звезды*»³.

О. Шор в своем пространном комментарии к тексту Иванова о Соловьеве⁴ на основании личного общения с Ивановым реконструирует их беседы. По ее мнению, они встречались физически два раза. Однажды они встретились в июле 1900 г. Первая встреча не датирована, но мы предполагаем, что она имела место в 1895 г., именно тогда Соловьев писал памфлеты и пародийные пьесы против первых русских символи-

стов. Между ними произошла и одна мистическая встреча (осенью 1899 г.), важнейшая для ивановского прочтения Соловьева.

Во время первой встречи двух мыслителей Соловьев, видимо, сказал: «На Ницше Вы не остановитесь», а Иванов ответил Соловьеву, что не разделяет его идеи, изложенные в «Чтениях о Богочеловечестве». Напомним, что в этих лекциях, прочитанных в январе—апреле 1878 г. в пользу Красного креста и реставрации Софийского собора в Константинополе, которые, по мнению его биографа С. М. Соловьева являются вершиной его светской известности, Соловьев довольно резко отзывается о римско-католической церкви (особенно в одиннадцатом и двенадцатом чтениях, в которых некоторые критики почувствовали влияние Достоевского).

Ранней осенью 1899 г. Соловьев пригласил Иванова навестить его в Пустыньке. Но, не найдя имения, Иванов бродил целый день, мысленно продолжая разговор с Соловьевым о Ницше. Во время этой вынужденной прогулки Иванов будто бы перешел от ницшеанского идеала сверхчеловека к соловьевскому богочеловеку. Это произошло через критику теории сверхчеловека Ницше. По Иванову, Ницше делает из сверхчеловека *quid* (содержание и цель учения), тогда как он является *quomodo* (средство, модальность достижения цели). Это ложное понимание идеала сверхчеловека приводит Ницше к учению о смерти бога («Der alte Gott ist tot»), которое означает на самом деле «Я — Бог». Кроме того, к этому примешиваются сомнительные элементы штирнеризма и дарвинизма. Тогда как для Иванова единственное возможное сверхчеловечество — это победа над смертью, не только индивидуальной, но и коллективной. Для того, чтобы его достичь, Иванов выработает, как мы увидим в комментарии ко второй части его доклада о Соловьеве, теорию единства Я и Ты, основанную на Слове Христа: «где двое или трое во имя мое, там я среди них».

Наконец, в июле 1899 г. Иванов в сопровождении своей второй жены поэтессы Л. Зиновьевой-Аннибал навестил Соловьева в Петербурге в гостинице, в которой вечный скиталец нашел временный приют. Речь пошла о заглавии первого сборника стихов Иванова «Кормчие звезды», в котором Соловьев заметил филологическую эрудицию начинающего поэта. На самом деле «Кормчие звезды» — непреложные истины, напоминающие византийский сборник непреложных соборных постановлений, который в русском переводе называется «Кормчей книгой»; Соловьев обещал написать статью, чтобы все это объяснить, но скончался два месяца спустя, не успев сдержать слова.

Перейдем теперь к анализу самого текста доклада Иванова о Соловьеве. Этот текст состоит из семи абзацев.

В первом абзаце Иванов определяет необходимое условие для понимания учения Соловьева: это внутренний опыт «соборности». Но, по Иванову, современники потеряли связь с этой «соборностью». Следовательно, учение Соловьева не может быть полностью понято.

Во втором абзаце Иванов связывает Соловьева с двумя мыслителями, которые обратили внимание образованной публики на вопросы веры: это Достоевский (который фигурирует в первой фразе наряду с Соловьевым) и в меньшей степени Лев Толстой (который далее появляется в тексте).

Соловьев и Достоевский являются родоначальниками того, что принято называть «искания нового религиозного сознания», а Толстой своим «подвигом внутренней личности» определяет третий момент «религиозного пробуждения». Однако Соловьев отличается в корне от Достоевского и Толстого тем, что он оформил, «образовал», как пишет Иванов, религиозные искания, которые еще были бесформенны у двух великих писателей. Эта бесформенность и бессвязность являются неотъемлемой частью гения Толстого — анархиста и Достоевского, оргийного и трагического художника. Тем не менее оба писателя пользовались большей известностью, чем Соловьев, чье учение находится десять лет после его смерти на уровне пояснения, а не углубления.

В третьем абзаце Иванов пишет, что Соловьев «художник внутренних форм христианского сознания». Ядром его учения является не этика, несмотря на светский успех «Оправдания добра», но его плохо понятая концепция Церкви. В известной формуле из «Истории и будущности теократии» («Оправдать веру наших отцов, возведя ее на новую ступень разумного сознания») важнее не первая часть, богословская и апологетическая, но вторая, которая инициирует новое религиозное сознание.

Это сознание на самом деле, пишет Иванов в четвертом абзаце, рационально. Если Соловьев и не рационалист (он отличается в отрочестве от картезианца Лопатина, с которым он в 1890-е годы полемизировал о «субстанции» Декарта), он, тем не менее, философ разума. В своем желании познать сущее он опирается на разум, требуя от него многого (кантианцы сказали бы — слишком многого). Такая попытка была уже сделана после Канта немецкими идеалистами Фихте, Шеллингом и Гегелем. На Соловьева, видимо, больше всех повлиял Шеллинг, вернее поздний Шеллинг, Шеллинг философии откровения, которую немецкий философ развивал в берлинских лекциях после 1841 г. Это религиозное сознание позволяет познавать идею «позитивного единства». Это сознание, которое ищет абсолютное в относительном, отрицает «отвлеченные начала», которые, определяя все вообще, ничего конкретного не определяют. Соловьев, таким образом, считает себя вынужденным полемизировать в журналах и газетах со всеми представителями форма-

лизма, который приводит к религиозной нетерпимости, национализму и апологетике всемогущего государства. Эта «критика отвлеченных начал», которая на практике требует терпимости, обосновывает концепцию культуры, противоположную толстовской «*tabula rasa*».

Пятый абзац посвящен основам соловьевской экклезиологии. Иванов с самого начала утверждает, что латинская формула *Ecclesia non habet corpus, nisi in mysterio* (церковь не имеет тела, кроме как в таинстве) могла бы послужить основой соловьевской концепции Церкви и сводит к нулю все попытки обосновать учение экклезиологии на исторической основе. Что касается деликатного и спорного вопроса о «католицизме» Соловьева, то Иванов пишет о «чистом католичестве», для которого нет разделения между Востоком и Западом. Однако, напоминает он, конкретное соединение христиан в истории произойдет в конце времен, как писал Соловьев в «Краткой повести об антихристе». Итак, хотя Соловьев развил философию истории а ля Гегель, Иванов считает, что это второстепенно по отношению к эсхатологической концепции истории, развернутой в «Трех разговорах...»

В шестом абзаце, как хороший оратор перед завершением речи, Иванов позволяет себе маленькое отступление. Он предлагает свои собственные схемы, чтобы дополнить то, что ему кажется незавершенной и сравнительно слабой частью философии Соловьева: гносеологию. Для того чтобы выйти из гносеологического релятивизма, который превратил жизнь в онтологический меонизм, следует покинуть позицию, исходящую из сознания одного субъекта.

Сравнивая сознание субъекта с зеркалом, Иванов замечает: то, что отражается в зеркале, отражается наоборот. Следует поставить перед первым зеркалом другое зеркало (*speculum speculi*), сознание другого человека, чтобы восстановить правильность создаваемого. Эта теория «зеркала зеркала» позволяет выйти из солипсизма через утверждение: Ты еси. Следовательно, такой же изначальной, как формула *gnoti te auton* (познай самого себя), которая привела к солипсизму, является формула *Ei* (Ты еси), которая приведет к новой философии диалогизма.

В последнем абзаце Иванов подводит итоги обсуждению наследия Соловьева. Вначале он противопоставляет это наследие последним метаморфозам индивидуализма, среди которых нищезанятие занимает важное место. Здесь Иванов, увлекшийся одно время Ницше, придерживается позиции, достигнутой им во время их физических и мистических встреч, которую мы изложили выше. Цитируя последние слова Соловьева: «Трудна работа Господня», Иванов, связывая жизнь и творчество Соловьева, определяет его отношение к писанию как аскезу. Отсюда его личное отношение к собственному поэтическому творчеству, которое казалось ему менее важным, чем его философская и публици-

стическая деятельность. Тем не менее в глазах поэта Иванова поэзия Соловьева изумительно глубока, истинна и задушевна. К тому же Иванов считает, что Соловьев, как и он сам, символист-реалист. Как Данте в Италии и Новалис в Германии, он ввел в Россию божественную Софию. Как и у Достоевского, его устами говорит душа русского народа: «Чрез Достоевского русский народ психически (т. е. в действии Мировой Души) осознал свою идею как идею всечеловечества <вспомним здесь знаменитую речь о Пушкине 1881 г. — М. Г.>. Чрез Соловьева русский народ логически (т. е. действием Логоса) осознал свое призвание — до потери личной души своей служить началу Церкви вселенской»⁵.

До конца жизни Иванов останется верным духовному наследию Соловьева. Когда в 1926 г. в Риме Иванов присоединится к католицизму, он вспомнит ритуал, придуманный Соловьевым в 1896 г. И в 1944 г., когда его муза проснется после двадцатилетнего молчания, он посвятит в «Римском дневнике» трогательное стихотворение Соловьеву.

Таким образом, мы видим, насколько жизнь и творчество обоих поэтов-мыслителей тесно связаны. Благодаря стараниям Соловьева в 1895 г. начинающий Иванов стал публикующимся поэтом. А с 1900 г. Иванов стал медленно переходить от философии сверхчеловека к учению о богочеловеке.

Примечания

¹ *Иванов В.* Автобиографическое письмо // *Иванов В.* Собр. соч.: В 4 т. Брюссель, 1974. Т. 2. С. 20.

² *Соловьев В. С.* Собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. СПб., 1912. Т. 4. С. 214.

³ *Иванов В.* Автобиографическое письмо. С. 18—20.

⁴ См.: *Иванов В.* Собр. соч. Т. 3. С. 746—804.

⁵ *Иванов В.* Религиозное дело Владимира Соловьева // *Иванов В.* Собр. соч. Т. 3. С. 306.